

В прошлой жизни, когда он оказался в Холодном дворце, в бесчисленные холодные ночи он сначала ненавидел того, кто не разобравшись проявил жестокость и не вспомнил о многолетней привязанности, а также ненавидел себя за то, что за столько лет так и не смог родить собственного ребенка.

Что тут проклинать.

«Цзян Лююй, ты сам виноват, что поверил не тем людям, и заслужил жизнь без детей. Ты заслужил это».

Он тихо прятался в темноте, все тело словно покрылось льдом, но он стоял на месте с улыбкой, глядя на солнечный свет, проникающий в коридор из окна. Его длинные пальцы глубоко впились в ладони, и капли темно-красной крови стекали по пальцам, постепенно пропитывая светло-голубую одежду, образуя темно-красные узоры, словно цветы.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Цзян Лююй медленно поднялся. Его глаза, подобные черному нефриту, скользили по слабому солнечному свету в щели окна. Он поднял руку, медленно открыл дверь внутреннего покоя и шаг за шагом вышел наружу, направляясь обратно той же дорогой.

Поворачивая за угол коридора, он снова поднял голову, взглянув на постепенно тускнеющий свет, но прежде чем успел сделать следующий шаг, почувствовал рывок руки — кто-то втянул его в тень коридора. Чьи-то пальцы приподняли его подбородок, а тонкие губы слегка изогнулись в темноте.

— Наследник, как вам понравилось то, что вы слышали?

Цзян Лююй словно лишился сил, и его, притянутого почти к груди этого человека, не оставило ни капли сопротивления. Он лишь опустил голову и тихо, словно разрешая той руке держать его подбородок, с легкой насмешкой произнес:

— Когда принц Нань прибыл, я, молодой господин, почувствовал, будто кто-то поблизости подслушивает, но не ожидал, что это окажется наследник Цзян.

Сказав это, человек, державший его, не дожидаясь реакции, поднял его опущенное лицо, но в тот же миг замер.

В темном коридоре его лицо, словно из нефрита, с длинными глазами, окаймленными красным, напоминало цветок персика на акварельной картине. Глаза, подобные черному нефриту, излучали сияние, и в глубокой темноте его лицо было пронизано обаянием, губы словно сияли влажным блеском. Красота, не поддающаяся определению пола, распустилась с пугающей силой, заставив человека, его полубоившего, сглотнуть.

Лу Минь сжал губы. Вспомнив о статусе Цзян Лююя, он изо всех сил подавил желание наклониться и лишь с улыбкой оглядел его. В его глазах появился едва заметный огонек желания:

— При ближайшем рассмотрении... наследник, вы настоящая редкая красавица.

Человек, чей подбородок он держал, улыбнулся, но лицо его не выражало радости. В темноте оно казалось не только прекрасным, но и жутким:

— Правда?

Лу Минь кивнул и собирался что-то сказать, но почувствовал, как тот, кого он держал, ловко вывернулся и выскользнул из его объятий. Не желая отпускать его, он снова схватился за его руку, и в голосе его явно слышалось вожелание:

— Конечно правда. Жаль только, что наследник — мужчина-шуан. Будь вы девушка-шуан, вся столица сошла бы с ума от вашей красоты.

Цзян Лоюй выпрямился. Улыбка на его губах была похожа на мак. Прежде чем Лу Минь успел схватить его руку, он приблизился, почти коснувшись носом его носа, и его тонкие губы приоткрылись.

Никто не знал, что чем прекраснее была его улыбка, тем глубже жажда убийства в его сердце, а на кончиках пальцев мелькал серебристый блеск.

— А ты, кузен Лу? Ты бы сошел с ума от красоты Лоюя?

Лу Минь, очарованный его выражением лица, непроизвольно потянулся к рукаву Цзян Лоюя, но прежде чем коснулся развевающегося голубого узора, то прекрасное лицо уже исчезло в темноте, унесенное ветром.

Если бы не банкет во дворце, в его нынешнем состоянии он бы, несомненно, всадил нож в Лу Миня, дав ему суровый урок.

Едва освободившись от преследования Лу Миня, Цзян Лоюй с холодным выражением лица нашел маленькую служанку и мягко спросил, закончился ли уже цветочный банкет. Получив ответ, что уже наступил вечер, императрица отдала приказ, и многие принцы и знатные юноши начали расходиться, Цзян Лоюй попросил служанку провести его и дошел до ворот дворца.

Едва выйдя за ворота, Цзян Лоюй еще не успел направиться к экипажу, стоявшему неподалеку, как перед его глазами мелькнула девушка, одетая как старшая служанка, которая быстро подошла к нему, и на ее лице читалась легкая радость.

— Наследник, вы пришли.

Чжу Юэ глянула на улыбающегося Цзян Лоюя, но увидела, что в его глазах, подобных черному нефриту, ничего не отражается, и на миг ей показалось, что человек перед ней выглядит пугающе. Она непроизвольно отступила на шаг, снова внимательно осмотрела своего господина, но не нашла ничего необычного и поспешно отогнала эту мысль. Взглянув на пустоту за спиной Цзян Лоюя, она тихо спросила:

— Наследник, вы вышли, а где же старшая дочь княжеской резиденции?

Услышав это, Цзян Лоюй улыбнулся, но улыбка была ледяной. Он медленно опустил веки, черные волосы на висках почти скрыли его лицо, не давая разглядеть выражение, лишь его спокойный голос тихо произнес:

— Не будем ее ждать, пойдем.

Чжу Юэ увидела, что он, не дожидаясь ответа, уже направился к экипажу и поставил ногу на подножку, приготовленную кучером. Она вдруг очнулась и поспешно откликнулась:

— А... да!

Сказав это, она словно вспомнила о чем-то еще, быстро подошла к Цзян Лоюю, чтобы поддержать его, с улыбкой взглянула на еще не поднятую занавеску экипажа и тихо добавила:

— Бай Шуан ждет вас в экипаже уже давно, наследник, скорее садитесь.

Услышав это, Цзян Лоюй слегка замедлил движения, сжатые пальцы немного расслабились, но выражение лица оставалось непроницаемым. Лишь уголки губ, которые до этого были слегка приподняты, медленно опустились. Не оборачиваясь, чтобы ответить Чжу Юэ, он наклонился и вошел в экипаж, и в тот же миг его взгляд встретился с теми мягкими, но молчаливыми глазами, напоминающими янтарь.

Бай Миньюй спокойно сидел рядом с курильницей в экипаже, словно с момента его ухода не двигался. На его бледном лице явно виднелся уродливый шрам, но на нем не было ни малейшего выражения. При слабом свете, проникающем извне, его глаза словно светились легким сиянием.

Увидев его, Цзян Лоюй невольно закрыл глаза, и его пальцы, до этого сжатые в кулаках, внезапно расслабились. Он повернулся и медленно сел в углу экипажа, не приближаясь к сидящему неподалеку Бай Миньюю, лишь опустил голову, позволяя экипажу трястись. Его бледные пальцы, испачканные темно-красной кровью, свисали вдоль тела.

С того момента, как Цзян Лоюй вошел в экипаж, Бай Миньюй внимательно наблюдал за каждым его движением. И лишь когда рука Цзян Лоюя опустилась вдоль тела, а темно-красная кровь начала капать с его длинных пальцев, его лицо вдруг изменилось. Он быстро встал и подошел к Цзян Лоюю.

Холодные пальцы Бай Миньюя мягко схватили его запястье и подняли. Он сразу же увидел несколько кровавых ран на ладони Цзян Лоюя, оставленных ногтями, которые из-за сильного сжатия даже слегка сломались. В его янтарных глазах появилась тень боли, и он невольно тихо спросил:

— ...Твоя рука... что с ней?

Цзян Лоюй почувствовал холод на запястье и услышал голос Бай Миньюя. Он устало приоткрыл глаза. Его взгляд, подобный черному нефриту, скользнул по склонившемуся рядом Бай Миньюю, затем он посмотрел на свою ладонь и почувствовал, как его тело продолжает бесконечно остывать, словно если он ничего не сделает, то скоро замерзнет насмерть.

Поэтому он глубоко вздохнул и тихо сказал человеку, находящемуся в нескольких сантиметрах от него:

— Не нужно перевязывать, я в порядке.

Услышав его легкий голос, Бай Миньюй не только не остановился, но даже сильнее нахмурился. В его голосе появилась тень гнева, когда он произнес:

— Ты в таком состоянии, и говоришь, что в порядке?

Через мгновение, не услышав больше возражений от Цзян Лоюя, он слегка смягчил выражение лица, достал из угла экипажа маленькую аптечку, вынул оттуда небольшой флакон, оторвал кусок ткани от своей одежды и, аккуратно нанеся лекарство, перевязал раненую руку Цзян Лоюя, тихо сказав:

— ...Перевяжу, скоро заживет.

<http://bllate.org/book/17692/1651037>